

Публикации

И. П. Медведев

О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права (по неопубликованным данным)

Вся жизнь выдающегося русского ученого Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938), не столь уж, как видим, продолжительная да к тому же исполненная бед и страданий¹, может быть названа своеобразным Forschungsproject «Byzantinisches Recht», причем именно с теми задачами и установками, которыми ныне руководствуется, скажем, такой бесспорный «флагман» в современном «правовом византиноведении», как основанный в 1974 г. во Франкфурте-на-Майне и успешно действующий центр по изучению греческих юридических рукописей (Frankfurter Forschungsprojekt «Byzantinisches Recht»), прямым предшественником и фактическим spiritus rector которого В. Н. Бенешевич, таким образом, является. Представляет, поэтому, большой научный интерес сама концепция русского ученого и разработанная им программа издания корпуса источников византийского права, даже независимо от того, что в своем целостном виде проект остался неосуществленным. Ясно, что это была не вина, а беда В. Н. Бенешевича: ему не дали осуществить то, что им было в деталях продумано, в значительной мере подготовлено и частично даже проведено в жизнь.

Считается, что впервые подобная идея была высказана В. Н. Бенешевичем в 1919 г., когда Отделению исторических наук и филологии Российской академии наук им была предложена записка «Об издании Corpus juris canonici ecclesiae Graecae» (об этом — ниже). Кажется, однако, что сам замысел в общем виде зародился у В. Н. Бенешевича гораздо раньше, чуть ли не с самого начала его подвижнической археографической деятельности — иначе зачем же ему было производить уже тогда фактически сплошное обследование и фотографирование рукописного материала («объездил библиотеки Франции, Германии, Италии, Турции, Греции, М. Азии и Египта; обследовал все греческие рукописи юридического содержания не только виденных мною, но и всех остальных библиотек; описание рукописей сопровождалось фотографированием всего достойного в них внимания»)². Обнаружен план работы В. Н. Бенешевича в

---

¹ О В. Н. Бенешевиче в последнее время см.: *И. П. Медведев. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, с. 339–381 (с библиографией).*

² *И. П. Медведев. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива... , с. 340. Фраза взята из письма В. Н. Бенешевича, писанного им незадолго до гибели, 19 мая 1936 г., но относится глав-*

1912 г., предусматривающий создание «Очерков по истории источников права восточной церкви» и, очевидно, издание текста следующих памятников: 1) Иоанн Схоластик и предшествующий ему сборник; 2) Арефа Кесарийский; 3) Никон Черногорец; 4) Грузинский перевод номоканона 14 титулов; 5) Прохирон 1379 г.; 6) Прохирон Макария Анкирского 1405 г.³

Позднее, в 1937 г., когда возникла опасная для жизни В. Н. Бенешевича ситуация в связи с выходом в свет мюнхенского издания «Синагоги» Иоанна Схоластика, он, оправдываясь во время «экзекуции», устроенной ему коллегами по кафедре истории средних веков Ленинградского университета, сообщил («для объяснения, а не для оправдания»), что еще в 1912 г. он обращался в Академию наук с предложением опубликовать этот памятник, но «это оказалось невозможным, так как типография ее уже была перегружена подобного рода работами»; об этом узнали на Западе, в связи с чем Эдуард Шварц предложил начать публикацию через Страсбургскую академию наук, членом которой В. Н. Бенешевич (именно с целью опубликования данного труда) был избран. «Я согласился на это. Часть работы я отослал Шварцу, но наступившая война прервала переговоры»⁴.

Тем не менее, частично этот «фантастический», как его назвал сам В. Н. Бенешевич, план стал реализовываться уже в последующие годы: в 1914 г. был опубликован защищенный им в качестве докторской диссертации классический труд «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика» (в предисловии Бенешевич отмечает: «По предложению проф. Эд. Шварца я взялся написать предлагаемый труд, задуманный мною некогда одновременно с вышедшим уже „Кан[оническим] сб[орником XIV титулов]“⁵, как одна из частей обширного, может быть, фантастического плана. Не сбылись и не сбудутся воодушевлявшие меня тогда юношеские мечты, но остался громадный материал, собранный главным образом благодаря поддержке со стороны Имп. Академии наук. Оказалось необходимым теперь лишь заменить всякого рода заметки и выписки фотографическими снимками с ру-

---

ным образом к раннему периоду его деятельности, когда им, выражаясь по-современному, закладывался «банк данных» как для первоочередных работ, посвященных рукописной традиции Номоканона XIV титулов и Синагоги Иоанна Схоластика, так и для будущего проекта в целом. Ср.: Л. А. Герд. Фотоархив В. Н. Бенешевича // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 381–388.

³ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 3, д. 87, л. 401.

⁴ Архив СПбУ, ф. 1 (отдел кадров), оп. 1, связка 8, д. 1606, л. 20–21 (из протокола № 42 заседания кафедры от 10 октября 1937 г.). Эти сведения подтверждаются и Шварцем, который, обосновывая в 1933 г. необходимость критического издания «Синагоги» Иоанна Схоластика, подчеркивает, что «es gibt nur einen Gelehrten, der imstande ist, eine solche Ausgabe herzustellen, das korrespondierende Mitglied unserer Akademie, W. Beneschewitsch» и что «еще до войны» Страсбургское ученое общество (Wissenschaftliche Gesellschaft in Strassburg) запланировало критическое издание Иоанна Схоластика, поручив его Бенешевичу. См.: Ed. Schwartz. Die Kanonessammlung des Johannes Scholastikos // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wiss., Philos.-hist. Abt., Jahrgang 1933, Heft 6 (München 1933), S. 6.

⁵ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905–1907 (с приложениями). Работа защищена в 1906 г. в качестве магистерской диссертации, печатные тезисы которой хранятся: Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 118.

кописей; и тут мне пришли на помощь проф. Эд. Шварц, предоставивший в мое пользование свои фотографии с C_1C_2 — Wissenschaftliche Gesellschaft in Strassburg, сделавшее на свой счет снимки с BV_1N_1 Near Ven, Имп. Археографическая Комиссия и Имп. С.-Петерб. Университет, выписывавшие рукописи из Москвы и Флоренции. В результате сделанных усилий составилось редкое по полноте собрание материала, необходимого для того первого критического издания исследуемого сборника, которое задумано Страсбургским Научным Обществом и для которого предлагаемая теперь мною работа должна служить, по мысли Эд. Шварца, как бы введением»⁶); в 1916 г. появился 1-й выпуск «Тактикона» Никона Черногорца⁷; полностью было подготовлено к печати оставшееся в рукописи издание «Прохирона 1379 года»⁸, но ход реализации замысла не по вине Бенешевича прервался, и только в 1919 г. (более неподходящий момент для осуществления проекта трудно себе представить!) он делает новую, более серьезную попытку заинтересовать проектом Российскую академию наук и обращается в историко-филологическое отделение РАН с запиской «Об издании *Coprus juris canonici ecclesiae Graecae*».

Поскольку этот документ, которому В. Н. Бенешевич всегда придавал особое значение, до сих пор остается неопубликованным⁹, приводим его текст полностью (Архив РАН, СПб., филиал, ф. 1, оп. 1а, д. 167, приложение 1):

- ⁶ В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914. Предисловие.
- ⁷ В разработанном уже в 20-е годы проекте первоочередных изданий (список тем и далее — комментарий к темам), в котором «Тактикон» занимает первую позицию, Бенешевич пишет: «Тактикон Никона Черногорца уже начат изданием в годы войны, и в 1917 г. вышел один выпуск (8°, 120 с.), содержащий л. 1–62 рукописи, где находятся предисловие и „слова“ (т. е. главы) 1–4 целиком; но, принимая во внимание, что 1) всех глав в „Тактиконе“ 42 и что 2) печатание происходило в чрезвычайно тяжелых условиях и закончено в РСФСР быть не может, следует считать издание 1 выпуска как бы не существующим и начать все сначала. Для одного только текста „Тактикона“, занимающего в рукописи 263 л., потребовалось бы около 600 стр.; краткое предисловие и указатели займут около 4–5 л., т. е. до 60 стр. Таким образом, общий объем книги был бы около 45 печ. л. Текст весь переписан и уже в значительной мере подготовлен к печати. Частями можно его начать сдавать в типографию немедленно» (см.: *И. П. Медведев*. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива..., с. 349).
- ⁸ См. о нем: *И. П. Медведев*. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива..., с. 358.
- ⁹ Следует считать недоразумением, что сам В. Н. Бенешевич, а вслед за ним его биографы (Е. Э. Гранстрем, Я. Н. Шапов) включают эту записку в список опубликованных работ Бенешевича (под номером 55) на том основании, что она была напечатана в приложении к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии РАН от 17 сентября 1919 г. (к § 165): ни сами протоколы, ни приложения к ним не являются тиражированными изданиями и в лучшем случае печатались («на правах рукописи») в трех экземплярах. Что же касается нашего текста, то он сейчас вообще существует в единственном печатном экземпляре указанных приложений и, соответственно, хранится в архиве, откуда он нами и воспроизводится. Правда, своеобразной публикацией этой записки В. Н. Бенешевича можно считать ее подробное изложение в итальянской статье А. Пальмиери о работах Бенешевича: *Gli studi di B. (sic!) Benescevic sul diritto delle chiese orientali* (Nota preliminare di A. Palmieri) // *Studi Bizantini*. Roma, 1927, vol. II, p. 125. Возможно, В. Н. Бенешевичу, как автору, был дан еще один печатный экземпляр приложения к протоколу с текстом его записки, который им и был послан Пальмиери. Автограф записки Бенешевича обнаружен нами в протокольных бумагах Отделения исторических наук и филологии РАН (Архив РАН, СПб. филиал, ф. 1, оп. 2–1919, д. 40, л. 9–11 об.).

Об издании *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae*

Западноевропейские ученые с XVI века сделали ряд настойчивых попыток — и для своего времени успешных — собрать памятники византийского церковного права и опубликовать то, что попадало им в руки. Современная наука, пользуясь накопленными богатствами, принуждена испытывать крайние неудобства от того, что

1) за немногими исключениями, труды предшественников не удовлетворяют иной раз даже самым скромным пожеланиям, обеспечивающим надежность текста памятников,

2) самые памятники разбросаны по разным изданиям, иногда притом представляющим библиографическую редкость.

Но если даже примириться с этими неудобствами, то совершенно невыносимо вызываемое теперь изучением рукописных богатств, хранящихся в многочисленных библиотеках западных и восточных, и успехами византинологии сознание самой действительной, самой неприкосновенной бедности изданного материала. Достаточно указать, что до сих пор нет надлежащего издания даже основных для истории византийского церковного права сборников в 14 тит. и в 50 тит., благодаря чему нет и не может быть критического издания текста канонов, имеющего не только научное, но и ближайшее практическое значение. И вся живая и интенсивная работа Византии в области церковного права оставляется в пренебрежении без надлежащего признания и оценки главным образом потому, что многие результаты ее хранятся еще под спудом, а некоторые только в самое последнее время хотя бы упомянуты в описаниях рукописей.

Давно пора современной науке приступить к созданию *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae* в виде, соответствующем ее потребностям. Но для успешности этого дела следует заранее отрешиться от героической самонадеянности, понятной, простибельной и даже трогательной в устах ученых XVI–XVII веков; следует проявить железную настойчивость в осуществлении основной идеи организованными усилиями ряда компетентных лиц в течение жизни не одного поколения, подобно тому, как ведутся предприятия вроде *Acta Sanctorum* или *Corp. script. eccl. latinor.* Венск. Академии и *Corp. script. eccl. graecor.* Берлинской Академии.

Казалось бы, эта задача должна лечь на плечи русских ученых лиц и учреждений. Но пока следует признать, что в указанной области русскими сделано еще очень мало, а условия современной русской жизни таковы, что едва ли и можно надеяться на большее в не столь отдаленном будущем. Поэтому я, с своей стороны, считаю своим священным долгом перед наукой и родиной принять заблаговременно все возможные меры к тому, чтобы не пропало, по крайней мере, то, что мне лично удалось собрать с 1898 года: ведь разбираться в моем литературном наследстве едва ли тоже найдутся охотники в не столь отдаленном будущем, а когда и наступит для этого время, тогда будет во многих случаях проще проделывать все или часть вновь, так как труднее будет догадываться, почему я некогда действовал так, а не иначе. Обращаюсь к Академии наук с покорнейшей просьбой взять на себя издание следующих памятников византийского церковного права (перечисляю не в хронологическом порядке, с приблизительным распределением их по выпускам или томам):

- 1) Сборник в 50 тит. со славянским переводом — т. I;
  - 2) Сборник в 14 тит. с грузинским переводом — тт. II–III;
  - 3) Иоанна Постника номоканон со славянским и грузинским переводами — т. IV;
  - 4) Котелерия номоканон со славянским переводом — т. V;
  - 5) Стефана Ефесского сокращение правил,
  - 6) Симеона Логофета *ἐπιτομή κανόνων*,
  - 7) Арсения *σύνοψις τῶν θείων κανόνων*,
  - 8) К. Арменопула *ἐπιτομή τῶν κανόνων*,
- } — т. VI;
- 9) Прохирон 1379 года — т. VII;
  - 10) Сборник Макария Анкирского — т. VIII;
  - 11) Сборник Иоанна Трулина — т. IX;
  - 12) Сборник Стаматия — т. X;
  - 13) Сборник *Sinait.* № 1384 — т. XI;
  - 14) Покаянные номоканоны — т. XII;
  - 15) Канонические ответы и правила и отдельные мелкие статьи, как, напр., М. Пселла *σύνοψις τοῦ νομοκανόνου*, неизвестного *περὶ τῶν ἐν τῷ νομοκανόνῳ*, выдержки *Ἐκ τῶν διαφόρων τίτλων τῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλείως νεαρῶν διατάξεων κεφάλαια κατ' ἐκλογὴν διάφορα* и др. — т. XIII;
  - 16) *Libellus synodicus Rappi* — т. XIV.

Каждый памятник будет предвшаться историко-литературным введением, сопровождающимся примечаниями и заключаться указателями собственных имен и технических терминов (в случаях нужды и осуществимости, также и другими указателями). Выпуски будут различных размеров: от 10 до 30 печатных листов. Появляться они могли бы по мере изготовления, теперь уже готовы у меня три тома вчерне. Начать издание следовало бы с грузинского перевода номоканона в 14 тит., так как этот памятник для истории грузинского права, устройства церковных дел и образования современной юридической терминологии был бы крайне необходим. В год я мог бы заканчивать два выпуска меньших или один большой, т. е. около 20–30 листов, сдавая в Типографию совершенно готовый текст.

Своей работой я хотел бы положить начало выполнению той основной научной задачи, о которой говорил выше. Чтобы скрепить разрозненные части между собою и облегчить появление следующих, как необходимых членов громадного целого, мною подготавливается нечто вроде истории источников византийского церковного права, долженствующее в виде отдельного тома войти в мою серию и служить как бы планом создания этих последующих частей, для чего у меня собран тоже некоторый материал. Таким образом, серия могла бы носить заглавие: *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae*.

Профессор В. Бенешевич
Петроград, 15 сентября 1919 года

Рассмотрение записки В. Н. Бенешевича по существу состоялось во время XIV заседания Отделения исторических наук и филологии РАН 12 ноября 1919 г., на котором присутствовали Президент Академии наук А. П. Карпинский, Непременный секретарь АН академ. С. Ф. Ольденбург и академики В. В. Латышев, Ф. И. Успенский, П. К. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский, Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатский; отсутствовали П. Г. Виноградов, М. И. Ростов-

цев, П. Б. Струве. В результате обмена мнениями было решено следующее (§ 201 протокола, печатная выдержка из которого хранится и сейчас в бумагах Бенешевича)¹⁰: «Отделение имело суждение по вопросу о предложении В. Н. Бенешевича относительно издания сборника памятников византийского церковного права. Положено благодарить В. Н. Бенешевича за сообщение о приготовленных им материалах по византийскому церковному праву и сообщить, что в настоящее время Академия лишена возможности приступить к их изданию и потому не входит пока в обсуждение вопроса»¹¹. Сохранилось и уведомление об этом Бенешевича от 5 декабря 1919 г. за подписью Непременного секретаря АН академ. С. Ф. Ольденбурга¹².

Разумеется, отказ Академии взять под свою опеку ведение проекта огорчил Бенешевича, но он пытается отстоять хотя бы частично его воплощение и с этой целью пишет 23 мая 1920 г. академику Н. Я. Марру письмо следующего содержания: «Многоуважаемый Николай Яковлевич! Хотя Отделение исторических наук и филологии Российской Академии наук отказалось даже входить в обсуждение вопроса об издании предложенной мною серии *Corpus juris saeonici ecclesiae Graecae* (I приложение к протоколу X заседания Отделения 17 сентября 1919 г. к № 165), но есть в составе этой серии два памятника, издание грузинского перевода которых имело бы чрезвычайную научную ценность, так как облегчало бы создание на исторических основах целой отрасли наук в Грузии, а именно правоведения в различных его разветвлениях. Один из этих памятников — „покаянный номоканон“, приписываемый иногда патриарху константинопольскому Иоанну IV Постнику (582–595); он уже издан проф. А. С. Хахановым¹³, но так, что именно потому его и надо издать наново возможно скорее. Второй памятник — „великий номоканон“ в 14 титулах, приписываемый в этой редакции греческого оригинала (883 года) патриарху константинопольскому Фотию, он до сих пор не издан, несмотря на свое основное значение и в деле установления канонического строя церковной жизни. Не признаете ли Вы возможным включить издание этих памятников в серию *Bibliotheca Armeno-Georgica*, причем начать следовало бы с „великого номоканона“. Списки его обследованы мною, а полный текст целиком сфотографирован и хранится в Азиатском Музее. Все издание заняло бы около 30 листов сплошного грузинского текста мхедрули, около 5 листов понадобилось бы на маленькое предисловие и грузино-греческий и греко-грузинский словари технических терминов; было бы очень желательно издать параллельно и греческий оригинал перевода, так же, как я издал древне-славянскую кормчую, но это увеличило бы размеры издания до 60 листов текста; правда, ценность издания возросла бы неизмеримо больше. Для под-

¹⁰ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 3, д. 190, л. 38.

¹¹ Конечно, прав А. Пальмиери, отметивший в выше цитируемой статье (см. примеч. 9), что дело было не столько в недостатке средств, сколько в общей неблагоприятной для такого рода изданий обстановке в послереволюционной России, когда история церкви и церковного права оказались ненужными (с. 125).

¹² Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 3, д. 190, л. 39.

¹³ Имеется в виду: А. С. Хаханов. Номоканон Иоанна Постника. М., 1902.

готовки текста к изданию мне потребовалось бы около трех или четырех месяцев. Примите уверения в моем глубоком уважении и искренней преданности. В. Бенешевич»¹⁴.

Ответ Марра своему бывшему «ученику-другу» не сохранился: скорее всего, и сказать ему было нечего. Пребывая в состоянии подавленности и в то же время в условиях перегруженности другими своими исследованиями (их у него в 20-е годы вышло немало!) и должностными обязанностями («правая рука» акад. Ф. И. Успенского во всех его начинаниях, связанных с Российским Палестинским обществом, Русско-византийской словарной комиссией, Византийским временником и т. д.), В. Н. Бенешевич не прекращает работы и «по основной своей линии: истории источников греко-римского права и влияния их на славянское, древне-русское и восточное» (из письма к его тестю, акад. Ф. Ф. Зелинскому). От этого времени (1921 г.?) происходит хранящееся в его личном фонде архивное дело, обозначенное в описи как статья В. Н. Бенешевича «О необходимости издания сборников 50 титулов и 14 титулов»¹⁵. Скорее, однако, в этом незаглавленном тексте нужно видеть черновой вариант вводной статьи к обоснованию издания корпуса источников канонического права в целом, «как бы некоторое завещание для будущего продолжателя работы, озаренной отблеском многих славных в науке имен» (заключительная фраза текста). Сравнивая состояние дела с состоянием латинского корпуса канонов («латинские переводы канонов уже дождалась такого издания их в начатых С. Н. Turner *Eccles. Occid. Mon. Juris Antiquiss.*, которое достойно завершает гигантскую работу западноевропейской науки по собиранию и изучению трудно-обозримого количества материала»), В. Н. Бенешевич констатирует: «Далеко не так благополучно обстоит дело с греческими оригиналами древних переводов на латинском, сирийском, коптском, грузинском и арабском языке. Конечно, в отношении их существуют большие трудности, поскольку необходимо привлекать многоязычный материал для восстановления текста и состава некоторых редакций, но даже в отношении одних греческих данных до сих пор сделано еще очень мало для уяснения истории канонических сборников XII века и издания их текста канонов, как он существовал до Аристина, Зонары и Вальсамона».

Следует характеристика первого издания греческого текста апостольских канонов, осуществленного Филиппом Меланхтоном в 1521 г. (появление его, по мнению В. Н. Бенешевича, «следует приписать церковно-политическим настроениям с начала XVI в.»), других изданий XVI в. — Галоандра («вызвано как сознанием необходимости их для юриста, так и недостатками их текста в латинских канонических сборниках»), Jean du Tillet (предпринято «ради восстановления мира в недрах католической церкви») и др., XVII в. (работа издателей этого времени «состояла в перепечатывании наследия, оставленного учеными XVI в., и только VI в. знаменитой своей *Bibl. Jur. Can.* дали первое пока единственное издание Синагоги в 50 титулов Иоанна Схоластика по пропавшему теперь списку *clero-montanus*»), XVIII–XIX вв. (*Assemani, Biener, кард. Ang. Mai, кард. Pitra* и др.). Характеризуя работу *Ang. Mai*, В. Н. Бенешевич подчеркивает, что тот

¹⁴ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 800, оп. 3, д. 103, л. 10–11 об.

¹⁵ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 11 (61 л.).

«издал номоканон 14 титулов в редакции, содержащей текст канонов в каждой главе каждого титула, причем не указал, по своему обыкновению, точной цифры списка и приписал эту редакцию самому патриарху Фотию; на деле же изданный текст оказался взятым из *Vatic. 2198 (Column. XXIII)* и более интересным по своему происхождению, но поздним»¹⁶.

Особенно же достается в этом сочинении В. Н. Бенешевича кардиналу Питре. Отдавая должное самому замыслу «дать текст первоначального вида канонов апостольских, соборных и отеческих со всеми позднейшими наслоениями» (для этого Питра «привел в известность не менее 92 списков сборника, перечислив их не по редакциям, а по библиотекам»), Бенешевич констатирует: «В задуманной в грандиозном масштабе работе этому масштабу соответствуют только недостатки, но не достоинства. Прежде всего совсем опущены столь интересные для канонического права и греческой церкви каноны Карфагенского собора 419 г., до начала XX в. существовавшие без толкований только уже в упомянутом издании Тилия 1540 г. и потом в *Justelli Codex canonum eccl. Afric. (Paris. 1615 — Bibl. 305–417, с вариантами из рукописей Regii graeci Paris. et Palatini)*. Затем чтение рукописей изобилует ошибками, а печатный текст опечатками. Отличия списков не указаны исчерпывающим образом и не сделано различие между важными и пустячными. Ни о каком наблюдении над историческими наслоениями и изменениями в тексте канонов не может быть и речи, потому что сами списки не сгруппированы по редакциям. Большая заслуга Питры в том, что он собрал схолии к канонам, но текст их прочтен и напечатан в общем крайне неудачно» (л. 12–13).

Именно «неудовлетворительность печатных изданий всего состава правил, — пишет В. Н. Бенешевич, — заставила меня при издании древнего славянского перевода Синтагмы 14 титулов без толкований»¹⁷ присоединить и греческий текст всех входящих в нее статей по тому списку X века, который принадлежит к той же редакции, что и славянский текст; и так как эта редакция во многих отношениях очень своеобразна и сохранилась по-гречески в одном только списке *Vallisc. F. 47*, то было необходимо сличить даваемый им текст с *Patm. 172* и *173* и *Vallisc. F. 10*. Здесь не дано критического издания греческого текста правил, но зато впервые они представлены в полном виде по указанным спискам, однако без правил константинопольских соборов 861 и 879 гг., которые в состав основной редакции не входят. Схолии к канонам, находящиеся в списках сборников 50 титулов и 14 титулов, изданы мною в 1905 г.¹⁸ и 1914 гг.»¹⁹ (л. 13–14).

Окончание сочинения В. Н. Бенешевича хотелось бы привести полностью: «В результате работы с XVI в. до 1921 г. (т. е., по-видимому, времени, когда

¹⁶ Здесь В. Н. Бенешевич ссылается на свое исследование «Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского» (ВВ, 1915–1916, т. 22, с. 41–61).

¹⁷ См.: В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907 (в трех выпусках); София, 1987, т. 2 (подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Щаповым; под общим руководством Я. Н. Щапова).

¹⁸ В приложении к исследованию: В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов... (см. примеч. 5).

¹⁹ См.: В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулов..., с. 251–267.

писалась данная статья. — И. М.) оказывается, что произошло действительно некоторое накопление подлежащего обработке материала и сведений о нем, но не существует даже простого надежного воспроизведения текста основного кодекса канонического права греческой церкви хотя бы по одной исправной и полной рукописи в одной книге, и приходится обращаться за таким — притом не везде одинаково — надежным текстом к разрозненным попыткам его установления в трудах, например, Bunsen, *Analecta Ant. Nicaena* (1854), P. de Lagarde, *Rel. jur. eccl. ant. graece* (1856), Routh, *Reliquiae sacrae*, Rockham, *The Text of the Canons of Ancyra* (*Stud. Bibl. et eccl.* 1891, III) и др. Причины такого неудовлетворительного положения разнообразны и многочисленны. Среди них наименьшее значение следует приписывать борьбе Рима с церковно-политическими тенденциями, выразившимися в том, что сделанная в 1610 г. Justelli перепечатка издания Тилья под названием *Codex canonum Eccl. Universae* (*Bibl.* 29–100) уже в 1623 г. попала в *Index* (Rensch, *Index*, II, 152), как туда же попал и *Beveregii Synodicon* изд. 1672 г. (Rensch, *ib.*, 123). Само состояние текста правил было таково, что для понимания их необходимо было пользоваться данными к ним толкованиями византийских канонистов XII в. Таким образом получалась и аналогия с *Corp. jur. can.*, позволявшая применять к толкованию греческого текста ряд выработанных школой приемов. Но может быть самое важное то, что в толкованиях Вальсамона видели чрезвычайно существенное пособие в деле восстановления текста Юстинианова законодательства. Все это заставляло обращать внимание на издание текста правил с толкованиями. Стремление восходить к первоначальному и древнейшему виду сборников не было сильно потому, что предполагалась неизменность и постоянство в составе и тексте правил, как залог единства и крепости применяющей их церкви. Притом римская церковь основывается на переводах с греческого лишь в небольшой, хотя и очень важной части своих источников права и привыкла видеть текст их в разных версиях, неодинаково авторитетных для отдельных частей ее территории, и потому практически она не была заинтересована в изучении греческих подлинников до тех пор, пока научное движение в изучении особенно до-Никейского периода не заставило ее подумать о возможности и необходимости примкнуть к этому движению для защиты себя от нападений со стороны протестантов и занять руководящее положение в исследовании греческих источников права после-Никейского времени до IX–X в. в интересах подготовки к решению великих междуцерковных вопросов. Вторая половина XIX и начало XX в. ознаменовались пробуждением живейшего научного и практического интереса к истории и греческого (византийского или в известном смысле западного) православия, и „восточного“, и славянского. Потребовалась масса ученых сил для разработки в столь широком масштабе громадного материала в большей своей части еще даже и не приведенного в известность; между тем, на уровне с западноевропейцами стояли со второй половины XVIII в. до 1914 г. только научные силы России и со второй половины XIX века отчасти Греции и южных славян. Можно было надеяться, что во всяком случае славянские и греческие ученые одинаково, хотя и с разных точек зрения, возьмутся за греческие источники церковного права; но на деле оказалось, что одни из них, усвоив приемы западноевропейской науки, усвоили

себе и крут ее интересов и ее точки зрения, а другие успокоились на том неправильном представлении об основных чертах византийской церкви, как носительницы окаменелой традиции, которое казалось наиболее православным в официальных и руководящих церковных кругах, и довольствовались наличными средствами ознакомления с источниками права этой церкви; лишь очень немногие дорожили своеобразием материала и пытались проложить самостоятельный путь к изучению его.

Теперь Россия, вероятно, долго принуждена будет молчать в области изучения и издания памятников греческого церковного права; западноевропейская наука, отвлеченная изучением потрясения от великой войны, едва ли удосужится уделить столько сил вопросам менее спешным, сколько уделила бы в довоенное время. Поэтому будет не бесполезно резюмировать здесь вкратце несколько фактических данных, как бы некоторое завещание для будущего продолжателя работы, озаренной отблеском многих славных в науке имен» (л. 14–22).

Скорее всего, рассмотренный труд готовился В. Н. Бенешевичем для Эдуарда Шварца. О том, что в 20-е годы Бенешевич продолжал работать над подготовкой критического издания Синагоги Иоанна Схоластика (I-й том в предполагаемом «Корпусе»!) в Германии, свидетельствует сохранившийся в его бумагах машинописный «отпуск» (очень бледная копия) его немецкого письма от 29 июля 1928 г., адресованного вне сомнения Эдуарду Шварцу, хотя имя адресата и отсутствует²⁰. Приводим относящуюся к делу часть письма на языке оригинала: «Hochverehrter Herr Kollege und lieber Freund, Die Arbeit am Scholasticus macht immer Fortschritte, aber nicht in dem Masse, wie ich es hoffen konnte. Die Hauptschuld daran trägt die Nothwendigkeit, die schönste Arbeitszeit von 10 bis 4 täglich dem Dienst zu opfern; an und für sich ist er freilich sehr angenehm, denn ich habe mit den griech. Hss zu thun, aber zeit — und müheraubend und für meine eigene Arbeit störend bleibt er doch. Dann hat mir die Krankheit fast drei Wochen geraubt, und jetzt bin ich auf dem Lande zur Erholung. Immerhin bin ich mit den bisherigen Resultaten nicht unzufrieden: die Vorrede ist zur Hälfte fertig in russischen Sprache, und einige Theile des griech. Textes sind auch fertig, aber die Hauptmasse liegt wie Cheops-Pyramide während des Baues. Ich habe die Absicht, die Vorrede auf Deutsch, den Apparatus criticus auf Lateinisch abzufassen. Gegen Mitte September hoffe ich alle Photographien aus Paris, München und Italien zur Verfügung zu haben. Es wird mir nicht gelingen, mich der Arbeit am Sch[olasticus] ganz zu widmen, weil ich zwei Beiträge zu Festschriften liefern muss und mit der Ausarbeitung eines Katalogs der griech. Hss des Sinai-Klosters beschäftigt bin; wenn ich die Gelegenheit jetzt verpasse, den Katalog im Auslande auf Kosten der Harvard University zu veröffentlichen, dann wird es überhaupt nie möglich sein, denselben je wieder in Fluss zu dringen. Auch hoffe ich auf dieser Weise etwas für die nächste Reise ins Ausland verdienen zu können, die mir unentbehrlich ist.

Wie es vorauszusehen ist, wird der griech. Text früher fertig sein, als die Vorrede in deutscher Sprache: für die Ausarbeitung der letzteren wäre es allerdings sehr angenehm, den gedruckten Text vor Augen zu haben: auch wären die Änderungen und

²⁰ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 19, л. 14–15.

Zusätze im gedruckten Text ganz ausgeschlossen, weil bei der Ausarbeitung desselben die Vorrede in russisch. Sprache schon vorgelegen haben würde. Ich möchte also Ihnen zunächst den vollständigen griech. Text der Ausgabe vorlegen (nebst einem Verzeichniss der Abkürzungen) und während der Drucklegung desselben die Vorrede nachschicken. Auf diesem Wege liesse sich die Ausgabe ohne Zeitverlust wirklichen. Es fragt sich aber, ob Sie dieses Verfahren vom Standpunkt der Akademie für möglich halten; Ihre Antwort wird für mich entscheidend sein».

Последовавший, однако, 25 ноября 1928 г. арест и затем ссылка сначала в Соловецкие, а затем Ухта-Печерский «исправительно-трудовые» лагеря на целых 5 лет вырвали ученого из круга занятий. Катастрофой было даже не столько само физическое отстранение ученого от науки, сколько тот разгром, которому подвергся в его отсутствие архив со всеми подготовительными работами. Отчаянным «криком души» можно назвать слова написанного Бенешевичем уже по возвращении (15 сентября 1933 г.) письма к директору Центрального Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичу: «В 1930 г. задались целью отыскать следы моих преступлений там, где я больше всего действовал: в описаниях греческих, славянских и восточных рукописей, в фотоснимках с них и в моих предварительных работах по громадной истории источников византийского права с его связями с юго-славянским, древнерусским и восточным правом. Приступили систематически: сначала все — и материалы и книги — свалили в груды в одной комнате, затем из груды тащили все рукописные материалы и снимки себе в учреждение: 30 лет работал без отдыха и срока. Орудие преступления оставалось лежать в учреждении, и будь бы это инструмент для самогона или взлома, он пошел бы в музей угрозыска и сохранился бы, а тут вдруг оказалась жалкая писанина: сам следователь спрашивал с недоумением, за что же 4 академии наук избрали меня в свои члены, когда и он мог бы написать такую же книгу! Вот такой просвещенный человек этот следователь! И потому почти весь результат главной моей работы, фундамент ее, за 30 лет заложенный, сдан был на перемол; остались кое-какие вещи (например, из около 40 описаний всех юридических греческих рукописей в библиотеках всего культурного мира осталось 3; предварительные работы по памятникам погибли, фотоснимков масса погибла — больше 1000, которые я сейчас вспоминаю). А я готовил работу, которая во всяком случае была бы к чести советской науки в глазах всего ученого мира и необходима для самой советской науки! Подлое бессмысленное вредительство удержу не знает и остается безнаказанным или даже награды получает! Боюсь, что той же участи подвергся и архив моего тестя, где было много любопытного: письма Сологуба, Блока, Вяч. Иванова, еще каких-то людей литературы (Ипп. Ф. Анненского), фотографии, самим Сологубом переписанные стихи. Ах, да все это пустяки по сравнению с моей потерей: ведь можно было бы восстановить потерянное только поработавши года полтора-два в тех библиотеках, а это значит, что никогда не восстановить!»²¹.

И тем не менее, находясь и после возвращения из заключения почти в экстремальных условиях существования, В. Н. Бенешевич находит в себе силы вернуться к «главному делу» его жизни. Уже в письме к Ф. Ф. Зелинскому от 17 ию-

²¹ ОР РГБ, ф. 369, картон 239, д. 9, л. 15–16 об.

ня 1933 г. он, между прочим, пишет: «По мере сил работаю. Готовлю в память Гейзенберга статью о новых, то есть до сих пор не известных в печати лекциях Меланхтона; Шварц обещает представить в Баварскую АН. Кроме того, берусь за небольшую работу о Кормчей в 50 титулов, чтобы сообщить некоторые данные для прояснения мозгов по очень важному для славяноведения вопросу. Хочу потом такую же статью подготовить о Кормчей в 14 титулов и третью работу, уже побольше, о Кормчей т. н. Саввы сербского. Вообще работы у меня тут набралось столько, что сиди и обрабатывай для печати... Буду все-таки работать по основной своей линии: история источников греко-римского права и влияние их на славянское, древнерусское и восточное»²².

Исключительный импульс к оживлению работы над проектом дало В. Н. Бенешевичу приглашение Оргкомитета IV Международного конгресса византинистов в Софии (9–16 сентября 1934 г.), за подписью Г. И. Кацарова, принять участие («вместе с супругой») в работе конгресса²³. Правда, ответ его преисполнен был грусти и пессимизма («С радостью поехал бы на конгресс и потому, что не пришлось побывать на трех предыдущих, и потому, что не придется, может быть, дожить до пятого. Но осуществление моего пожелания совершенно не зависит от меня: я мог бы поехать только в том случае, если бы научное учреждение, например, АН, сочло нужным командировать меня на конгресс. Так как до сих пор этого не случилось, то я уверен, что моя поездка не состоится и что мне остается только от души пожелать Вам и конгрессу с блестящим успехом выполнить программу намеченных работ») ²⁴. Не помогло и обращение Оргкомитета в Академию наук с просьбой делегировать Бенешевича на конгресс в Софию²⁵, как, впрочем, и предложение Эдуарда Шварца отправить Бенешевича на конгресс в качестве представителя Баварской АН, за счет последней²⁶. Тем не менее, доклад с обоснованием необходи-

²² Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 6, л. 2–3.

²³ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 3, д. 95, л. 101 (с пометами Бенешевича: «Получ. 14/VI 34, отвеч. 14/VI 34»). В деле (л. 103–105) есть и печатный экземпляр циркулярного письма Оргкомитета со списком членов (президент В. Н. Златарский, вице-президент М. Арнаутов, генеральный секретарь Б. Филов).

²⁴ Там же, л. 102 (черновик письма от 14 июня 1934 г.).

²⁵ В деле (л. 106) хранится письмо В. Н. Златарского и Б. Филова к Бенешевичу от 28 июня 1934 г., в котором они уведомляют его, что по совету Г. А. Острогорского они еще 2 июня отправили в Академию наук письмо.

²⁶ Сохранился черновик письма Бенешевича Шварцу от 25 июня 1934 г., в котором он пишет, что вынужден отказаться от участия в софийском конгрессе в качестве представителя Баварской АН, просит не предпринимать никаких шагов и добавляет: «Schade für mich, denn die Ehre, die Bayer. Ak. auf dem Kongresse zu vertreten, weiss ich hoch zu schätzen auch als einen Ansporn zur weiteren unentwegten Arbeit auf meinem schwierigen u. undankb. wiss. Gebiet. Leider laufen heutzutage die reisten wissensch. Absichten die Gefahr, vergerrt zu werden. Also lieber ruhig zu Hause sitzen bleiben und an Scholastikos' Texten mit steigendem Interesse arbeiten» (Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 16, л. 1). Обо всем этом говорится и в письме Бенешевича к Ф. Ф. Зелинскому от 15 июня 1934 г.: «Вот и в деле поездки на конгресс византинистов: я уж тебе писал, что самые любезные и почтенные приглашения вроде пришедшего сегодня и самое горячее желание мое побывать хоть на одном конгрессе византинистов абсолютно ничего не значат. Не только ты, но и все мои приятели по работе запрашивают меня о приезде в Софию так, как будто я захотел — и поехал! Один только Шварц дал неожиданный оборот:

мости издания Корпуса источников по греко-римскому праву ему удалось и подготовить, и опубликовать в актах конгресса²⁷.

Из писем В. Н. Златарского к Бенешевичу нам известно, как это происходило. Почтовой открыткой от 4 сентября 1934 г. он уведомляет Бенешевича о том, что текст доклада получен и передан в Оргкомитет «для дальнейших распоряжений». «Как и когда доклад Ваш будет внесен в заседание конгресса, не могу пока ничего Вам сообщить; но как только будет установлено дальнейшее его положение, я немедленно сообщу Вам. Все Ваши желания будут приняты во внимание. Мы очень сожалеем о том, что Вы не можете приехать на наш конгресс, который, как кажется, будет весьма интересен, если судить по количеству разнообразных рефератов (109) и по многочисленности желающих приехать на конгресс (210 и больше). Приедет также и Александр Александрович (Васильев. — И. М.), что придаст конгрессу особое значение»²⁸. Вторым письмом, написанным уже после конгресса, а именно 1 ноября 1934 г., Златарский сообщает любопытные детали оглашения доклада. «После получения Вашего доклада, — пишет он, — а это было 8-го сентября, последний был тотчас же передан экстраординарному профессору по болгарскому праву, Вл. Алексиеву, для того, чтобы передать содержание Вашего доклада как можно подробнее, на немецком языке, которым Вл. Алексиев хорошо владеет. Доклад был приготовлен заблаговременно и в пленарном заседании членов съезда, председательствуемом профессором Dölger'ом, 15 сентября был прочтен тем же Вл. Алексиевым и подложен (sic!) обсуждению. Однако все, которые говорили о Вашем предложении, высказались в положительном смысле, а некоторые даже говорили, что за предложенный Вами *Corpus* нужно приниматься как можно скорее. При голосовании предложение Ваше было принято единогласно и единодушно, и собрание высказалось, чтобы это решение было внесено немедленно в постоянный международный комитет по византинологии для того, чтобы был составлен нужный план для скорого начатия работы по этому весьма важному и необходимому научному предприятию. Итак, дальнейшее развитие вопроса о *Corpus'e* переходит в руки членов постоянного комитета, в который входит и проф. Dölger, так что, если Вы настаите (sic!) перед ним, чтобы дело пошло поскорее, я думаю, что он Вам не откажет тем более, что Мюнхенская Академия наук, насколько мне известно, имеет в проекте подобное научное предприятие. Ваш доклад будет напечатан в полности (sic!) и на русском языке в „Трудах“ съезда, т. к. мотивировка у Вас полнее, чем в немецком изложении»²⁹.

Аналогичные сведения содержатся и в письмах Фр. Дэльгера к Бенешевичу, которые вообще являются ценнейшим источником по истории данного неосуществленного проекта русского ученого. Так, в почтовой открытке от 9 ок-

---

запросил, согласен ли я поехать представителем Баварской АН на конгресс, на счет этой АН. Я и ему ответил, что это от меня не зависит, а пусть обратятся к здешней АН. Такое обращение показало бы, что нас ценят и помнят» (Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 6, л. 6).

²⁷ В. Бенешевич. *Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis // Actes du IVe Congrès International des Études Byzantines*. Sofia, 1935, vol. I, p. 137–144 (на русском языке).

²⁸ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 76, л. 1.

²⁹ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 76, л. 2.

тября 1934 г. Дэльгер пишет: «Wir haben Sie auf dem Kongress alle sehr vermisst. Ihr Memorandum über eine Ausgabe der kanon (?) Rechtsquellen wurde in der feierlichen Schluss-Sitzung von Herrn Alexiev verlesen und ich hatte die Freude als Vorsitzender die allgemeine Zustimmung feststellen zu können. Ich hoffe, dass diese Frage nun in Zukunft rascher gefördert werden könne, da wir diesmal einen permanenten Ausschuss konstituiert haben, der sich bis zum nächsten Kongress mit den Dingen zu befassen haben wird und dem ich als Vertreter des D. Reiches angehöre. Ich nehme an, dass Ihnen der Sekretär des Kongresses, Herr Filov, Mitteilung machen wird»³⁰. Еще более содержательно письмо Дэльгера из Мюнхена от 3 ноября 1934 г. («получено 10/XI 34, отвечено заказным письмом 13/XI 34»), в котором он пишет: «Hochverehrter Herr Kollege! Dass ich Ihre freundliche Karte vom 21. X. solange nicht beantwortet habe, liegt daran, dass ich erst Nachricht von Herrn Filov in Sofia abwarten wollte, um Ihnen Zweckdienliches berichten zu können. Ich berichte zunächst über den Kongress. Der Kongress hat, wie ich mich jetzt nach der Benachrichtigung durch Filov auch genauer erinnere, beschlossen, von den russischen Kollegen die Herren Ainalov und Sie zu begrüßen, aber nicht durch Telegramm, sondern durch einen Brief, der die Akademie in Leningrad gerichtet werden sollte. Der Brief konnte in Sofia erst am 2. Oktober abgehen, da Herr Filov, in dessen Händen die ganze ungeheure Arbeit lag, am letzten Kongresstage von einem Nierenleiden befallen wurde. Der Brief Spricht das Bedauern des Organisationsausschusses aus, dass die Akademie auf dem Kongress nicht vertreten werden konnte. Weiter wird darauf hingewiesen, dass der Kongress beschlossen hat die abwesenden hervorragenden Byzantinisten zu begrüßen und zum Schluss wird die Akademie gebeten diese Grüsse Ihnen und Herrn Ainalov zu übermitteln.

Des weiteren ist Herr Filov mit mir der Ansicht, dass Sie nun unbedingt die für die Vorarbeiten des Corpus canonicum unerlässlichen Handschriftenforschungen machen müssen und wir wollen von dem nun gewählten ständigen Ausschusse aus gerne alles tun um Ihnen die Möglichkeit hiezu zu verschaffen. Es wäre mir nur sehr lieb, wenn Sie mir über zwei Dinge Auskunft geben möchten:

1) welche Form Sie für die zweckmässigste halten würden um Ihren Behörden nahezubringen, dass dieses Werk nötig ist und dass Sie, wovon wir alle überzeugt sind, der einzige Mann sind, der das machen kann;

2) welche Reisen in erster Linie konkret in Frage kämen. Leider kann ja, wie Sie wissen und wie Filov auch ausdrücklich schreibt, der Kongress oder der Ausschuss keine Mittel zur Verfügung stellen. Aber vielleicht liesse sich diese Frage, wenigstens zum Teil, auch auf anderem Wege lösen; ich will nächster Tage einmal mit Herrn Ghr. Schwartz sprechen. Ein fester Plan wäre jedenfalls für alle Fälle ein guter Anhaltspunkt für uns...»³¹.

Судя по упоминаниям в письмах Дельгера о полученных им письмах Бенешевича, последний забросал его ими, торопя его с организационным оформлением работ по проекту, так что Дэльгер даже не успевал отвечать на

³⁰ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 16. В бумагах Бенешевича хранится 25 исключительно содержательных писем и почтовых открыток Дэльгера 1927–1936 гг. — свидетельство теснейшей личной дружбы и научного сотрудничества двух ученых.

³¹ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 17–17 об.

них (где-то в Германии ведь они должны быть!) и уговаривал даже Бенешевича «несколько потерпеть, ибо быстро это дело не пойдет». Вот это интереснейшее письмо Дэльгера (из Мюнхена, от 4 декабря 1934 г.): «Alle Ihre Sendungen habe ich richtig erhalten. Das Wichtigste mit einem wohlüberlegten Begleitbrief befindet sich schon in den Händen von Herrn Filov, des Vorsitzenden unseres neugebildeten Ausschusses. Nur muss ich Sie um einige Geduld bitten; sehr schnell wird alles nicht gehen. Denn der Ausschuss hat einen formalen Geburtsfehler und ich weiss nicht, ob der inzwischen behoben ist. Auch dann arbeitet ein 9-gliedriger Ausschuss, dessen Mitglieder in aller Länder sitzen, mit einer beträchtlichen Langsamkeit. Sie dürfen überzeugt sein, dass ich tue, was ich nur kann, aber ich habe eben das Ganze nicht in der Hand.

Selbstverständlich habe ich Ihre Briefe auch mit Herrn Ghr. Schwartz durchgesprochen. Der war nun etwas bedenklich und meinte, Sie nähmen sich da eine Aufgabe vor, die durchzuführen *menschenunmöglich sei* (выделено мною. — И. М.). Er meinte, Sie sollten in allererster Linie die 14 Titel hernehmen und das zu Ende bringen; es ist dasjenige, was wir augenblicklich am wenigsten brauchen. Vor allem sollte der Johannes Scholastikos nicht ins Stocken kommen, da auch die hiesige Akademie nicht weiss, wie lange sie noch über Mittel zum Druck dieser Ausgabe verfügt. Vielleicht haben Sie doch von dem Interesse der Regierungen anderer Länder an unserer Wissenschaft eine zu hohe Meinung. Auch wir kämpfen.

Das soll aber nicht hindern, dass wir den Plan im ganzen allen unseren Eingaben usw. zugrundelegen. Ein besonder schwieriges Kapitel ist die Gewinnung der Mittel. Mit der Akademie hier wird schwer etwas zu machen sein; vielleicht lassen sich einige Arbeit am Scholastikos mit denen am Corpus vereinigen. Das Aussichtsreichste wir immer noch die Rockefeller Foundation sein, obgleich sich auch da infolge des Dollarsturzes und anderer Dinge im letzten Jahre grosse Schwierigkeiten ergeben haben»³².

Ответное письмо Бенешевича от 12 декабря 1934 г. сохранилось в форме машинописного «отпуска»³³, но — увы! — бледная, тусклая и не пропечатанная копия почти совсем нечитабельна. Нам, впрочем, удалось разобрать несколько слов, которые можно считать ключевыми в реакции Бенешевича на высказанное сомнение Эд. Шварца о возможности реализации проекта: «Es ist eine sehr schwierige Aufgabe, aber durchaus nicht menschenunmöglich, wenn...» (следует страстное отстаивание возможности осуществления проекта, залогом чего выставляется «meine 35-jährige Arbeit», опыт, знания и накопленные материалы; условием же: die Studienreise)³⁴. Дело, однако, начинает все больше увязать в волоките. Вот несколько выдержек из писем Фр. Дэльгера к В. Н. Бенешевичу этого времени:

Из письма от 24 сентября 1935 г.: «...Von Herrn Filov habe ich inzwischen nicht gehört. Das Herantreten an den französischen und tschechischen Vertreter in unserem Ausschuss müsste von dort aus erfolgen, aus begreiflichen Gründen. Bei nächster Gelegenheit will ich Herrn Filov darauf aufmerksam machen. Dass im

³² Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 19–19 об.

³³ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 21.

³⁴ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 21.

letzten Hefte der B. Z. nicht von dem Corpus jur. gr.-rom. die Rede war, beruht auf Raumgründen. Ich weiss nicht, ob Sie sich eine Vorstellung davon machen können, wie wir mit dieser Raumnot kämpfen und welches Kunststück es ist jedesmal auf Seite 480 (und keine Zeile mehr!!) abzuschliessen... Ich will Ihnen nicht mehr Sorgen bereiten mit meiner Klage, aber es wäre ein Irrtum, wollten Sie glauben, dass wir ohne Schwierigkeiten arbeiten. Ich will versuchen in dem Hefte das eben im Drucke ist, das Versäumte nachzuholen»³⁵.

Из письма от 27 декабря 1935 г.: «Nun zur Angelegenheit der Vorbereitung Ihres Corpus. Ich habe seinerzeit sogleich nochmals Filov gebeten die französischen und tschechischen Fachgenossen und ihre Vertreter im Ausschusse dringend für die Sache zu interessieren, habe aber Filov seit Monaten keine Nachricht. Soeben will ich ihm schreiben und kann das ohne Aufdringlichkeit tun, weil am 16. Dezember Zlatarski gestorben ist. Ich will auch gerne nochmals im nächsten Hefte der B. Z. einen kurzen Abschnitt über die Schritte des Ausschusses bringen, vorausgesetzt, dass ich darüber einwandfreie Nachrichten von Filov erhalten kann. Es ist eben offenbar leider auch hier die typische Schwäche solcher Ausschüsse zutagegetreten»³⁶.

Почти реквиемом по проекту (и по его инициатору) звучат слова Дэльгера из его письма к Бенешевичу от 16 марта 1936 г.: «...Ich hatte gewartet um Ihnen etwas Tröstlicheres schreiben zu können, aber leider umsonst. Ich habe damals sofort sowohl an Millet wie an Weingart als die Vertreterer Frankreichs und der Tschechoslovakei in unserem Ausschuss ebenso höflich wie eindringlich in Ihrer Angelegenheit geschrieben: während mir nun Millet bis heute überhaupt keine Zeile geantwortet hat, hat mir Weingart sogleich sehr höflich geschrieben, dass er beim tschechischen Ministerium des Auswärtigen in der Sache vorstellig werden wolle. Ich wartete und wartete, bis wieder eine Mitteilung von W. kam, er habe die Sache vorgetragen, sei aber noch ohne Antwort; er werde mir sofort mitteilen, wenn er etwas höre. Ich habe ihm darauf sehr herzlich für seine Bemühungen gedankt und ihn nochmals gebeten mich gleich zu verständigen, wenn er etwas erfahre: leider habe ich inzwischen bis heute nichts mehr gehört. Ich möchte wünschen, dass Ihnen die Vollendung *Ihrer Lebensarbeit* (выделено мною. — И. М.) doch noch ermöglicht wird, aber es ist alles eine sehr harte Geduldsprobe»³⁷.

Видя, что воскресшие было надежды начинают рушиться, а его «детище» — все больше увязать в бюрократической волоките (впрочем, может быть, и не беспочвенной: не пришло еще время для подобных проектов?), В. Н. Бенешевич предпринимает еще одну отчаянную попытку возбудить интерес к своему проекту со стороны международной научной общественности, используя для этого очередной, V Международный конгресс византинистов, состоявшийся 20–27 сентября 1936 г. в Риме. Собственно говоря, и о нем Бенешевич узнал от Дэльгера. В уже цитировавшемся письме из Мюнхена от 16 марта 1936 г. последний пишет: «Dem Vernehmen nach wird der nächste Byzantinistenkongress heuer Ende September in Italien sein; Einladungen sind indessen noch nicht ergangen. Wäre die Möglichkeit, dass Sie die Erlaubnis bekämen daran teilzunehmen? Wir wissen zwar

³⁵ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 25.

³⁶ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 26 об.

³⁷ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 21. л. 28.

alle noch nicht, was bis dahin wieder alles vorgegangen sein wird — aber wir hoffen mit unverwüthlichem Optimismus, dass wieder alles gut gehen wird»³⁸.

Видимо, в неизвестном нам письме от 25 марта 1936 г. (сохранилось в архиве Дэльгера?) Бенешевич дал соответствующие инструкции, потому что, отвечая ему, Дэльгер в письме из Мюнхена от 16 апреля 1936 г. пишет следующее: «Ich freue mich sehr, dass der Druck des Scholastikos vorwärts geht und Sie an dieser Arbeit Freude finden. Wegen der Einladung zum Kongresse will ich bei Mercati das meinige tun in dem Sinne, wie Sie mir geschrieben haben. Das wird freilich alles sehr schwierig sein, wie Sie sich denken können. Ich bin übrigens sicher, dass zum Kongress in Sofia Ihre Regierung in aller Form eingeladen wurde, sodass das ausgesprochene Bedauern über das Nichtvertretensein Russlands doch wohl eine tatsächliche Grundlage hatte...» и далее Дэльгер добавляет: «Der Kongress wird, wie Sie vielleicht schon erfahren haben, vom 20–27. September 1936 in Ravenna, Rom und Neapel sein mit anschliessenden Exkursionen nach Sizilien und womöglich Tripolis. Ich habe darüber Mitteilungen von S. G. Mercati, die zunächst noch nicht für die Öffentlichkeit bestimmt sind. M. meinte, dass wir die Einladungen bis Ostern in Händen haben sollten, aber es ist leider nichts gekommen und ich fürchte, dass ein noch weiteres Hinauszögern der Einladungen das Zustandekommen des Kongresses in Frage stellen kann»³⁹.

Интересно было бы узнать, что за «инструкции» дал Бенешевич Дэльгеру относительно формы своего участия в римском конгрессе. Ясно, что личное участие исключалось, речь могла идти только о заочном участии. Результат известен: глшатаем В. Н. Бенешевича на конгрессе в Риме оказался его тесть, академик Ф. Ф. Зелинский, который, парафразировав замечательным образом одно место в «Меланиппе» Еврипида (имеется в виду: TGF 484, Nauk 2: οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος, ἀλλὰ τῆς μητρὸς πάρα), выступил с докладом о проекте «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis» (и позднее опубликовал его под своим именем, оговорив, однако: οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος, ἀλλὰ τοῦ γαμβροῦ πάρα)⁴⁰. Из сохранившейся переписки Бенешевича и Зелинского мы кое-что узнаем об этом не совсем обычном обороте дела. По-видимому, помимо Дэльгера, с Оргкомитетом конгресса (в лице его председателя Дж. Меркати) вел переговоры по поводу участия Бенешевича и Ф. Ф. Зелинский. Так, в открытке из Варшавы от 10 августа 1936 г., адресованной его дочери Амате (жене Бенешевича), Зелинский вставляет отрывок из письма к нему (Зелинскому) Меркати: «Il programma elaborato da Suo genero sarà letto per la sua importanza in una seduta a sezioni riunite e sarà probabilmente oggetto di discussione nella seduta finale, quando si metteranno all'ordine del giorno le proposte già approvate nel

³⁸ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 21. л. 28.

³⁹ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 29–29 об. Ср. также письмо Дэльгера от 16 мая 1936 г. (там же, л. 30): «Ich habe auch bei Mercati wegen der Einladung der Akademie und Ihrer Person angefragt, aber seit Wochen keine Antwort erhalten, wie das ja bei Mercati üblich ist. Ich werde aber wieder nachfragen, schon weil ich dieselben Auskünfte auch bez. der Einladung unserer Regierung haben muss».

⁴⁰ Th. Zielinski. Projet de la création d'un «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis» // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma 20–26 sett. 1936. Roma, 1939, t. 1, p. 735–740.

congresso di Sofia e quelle da fissare per il VI Congresso. Credo che il prof. Filov, come segretario del Comitato permanente ne riferirà insieme colle altre proposte»⁴¹. И хотя подробности «договора» Бенешевича и Зелинского ускользают от нас, ясно, что первый решил коренным образом переработать и обогатить свой доклад на софийском конгрессе, а затем отослать его своему тестю с тем, чтобы тот облек его в наиболее адекватную и доступную для слушателей (и читателей) форму, имея в виду, что «сверхзадачей» доклада было — пробить брешь в сочувственно-индифферентном отношении со стороны международной научной братии. «Насчет Corpus j. can. eccl. Gr. напишу тебе особо подробное донесение по-французски или по-латински. Ты, конечно, прав, что общение с научными кругами в европейском масштабе способно изгнать всякое уныние!» — пишет оптимистично Бенешевич Зелинскому в одном из писем⁴².

В архиве Бенешевича есть дело⁴³, которое содержит черновики (карандаш + чернила) тезисов к докладу (л. 73), с пометой Бенешевича: «Посланы спешной почтой 2/VIII 36» и самого доклада (л. 1–72, 74–75 об.), с пометой Бенешевича (синий карандаш): «При переписке текст сильно изменен. Отослано 4. VIII. 36» (л. 75 об.). Приводим для начала текст «Тезисов к докладу»:

1. До настоящего времени история византийского права вынуждена пользоваться изданиями источников и памятников византийского права, появившимися в XVI–XVII вв. не только как вспомогательными, но и как основными пособиями работы.

2. В XVIII–XX вв. этот материал значительно дополнен изданиями новых текстов, даже для своего времени не всегда удовлетворительными, но богатство рукописного материала остается далеко не исчерпанным и даже не во всей полноте и точности известным.

3. Неотложной и почетной задачей нашего времени должно быть признано опубликование всего, что не издано, переиздание всего, что издано (прежде всего того, что издано давно или неудовлетворительно) и объединение всего материала в виде Corpus scriptorum juris graeco-romani, за исключением CJS, Василик, папирологического материала и того, что войдет в Corpus der griechischen Urkunden.

4. В Corpus должны быть обеспечены единство методов издания, полнота материала и удобство пользования.

5. Основной предварит[ельной] работой для Corpus должно быть составление общего обзора всего подлежащего обработке рукописного материала, хранящегося в библиотеках всего мира.

6. Основным условием успеха дела является включение его в план работ авторитетного научного учреждения в лице одной из Академий наук или их объединения.

Любопытен ответ Ф. Ф. Зелинского на получение «Тезисов к докладу»: «В числах 1 и 6 августа, — извещает он Бенешевича почтовой открыткой из Вар-

⁴¹ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 4/2, л. 30.

⁴² Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 19, л. 28 (фрагмент черновика без даты и без обращения, но ясно, что это письмо Зелинскому).

⁴³ Архив РАН (СПб. филиал)..., оп. 1, д. 45 (76 листов).

шавы от 7 августа 1936 г., — получил по письму от тебя; в последнем заключались и тезисы, которые я сегодня обработал по-французски и посылаю заказным письмом в Рим. Надеюсь, что не сморозил, а впрочем ты слишком высокого мнения о моих византийских познаниях. Что такое, например, „василики“? Если то же, что *Constitutiones*, то они же вошли уже в СС. Перевел на всякий случай через „*les basiliques*“ в надежде, что поймут. По существу мне кажется, что с этими ограничениями *Corpus* будет очень не полон: по-моему, папирусы следовало бы включить. Но это уже решайте вы, византилисты; я ведь тут только *onus agôn mysteria*⁴⁴.

Да, В. Н. Бенешевич, конечно, рисковал, отдавая текст «профану». Профан, впрочем, был человеком гениальным и в высшей степени искушенным в вопросах публичного словоговения, чтобы суметь, пользуясь тезисами и полученным к тому времени полным текстом доклада, составить изящный *opus rethoricum* на 5 печатных страниц, в котором мало что осталось от текста самого Бенешевича (впрочем, Зелинский и сам оговаривается: «*Je ne vais pas répéter ici les données contenues dans le Mémoire de M. Beneszewicz: mon but est plutôt de tracer une sorte de programme immédiat („Sofortprogramm“) afin que l'énormité de la tâche entière ne porte pas atteinte aux nécessités du moment. Et pourtant c'est l'ensemble de cette tâche — c'est-à-dire, le CSJ — qui doit être présent à l'esprit des exécuteurs du Sofortprogramm: il m'est donc nécessaire de le résumer le plus brièvement possible*»)⁴⁵. Любопытно и то, как сам Зелинский задним числом, уже готовя текст «своего» доклада к публикации, оценивает (в открытке из Варшавы от 19 октября 1936 г., русский текст в латинской машинописи) его эффективность на конгрессе: «Теперь посылаю перестуканный (sic!) текст моего доклада. Я уже писал тебе (письмо не сохранилось? — И. М.), почему я не имею основания быть им довольным: не на ту публику рассчитан. Делать тогда было нечего, а теперь кое-что можно, так как доклад будет напечатан (хотя неизвестно, когда, ибо на это нужны лиры). Жду поэтому твоих предложений — добавок, сокращений, изменений. Так как я сохранил кроме писанного моей драгоценной рукой оригинала (редкое явление; надеюсь, что он после моей смерти пойдет с молотка и будет куплен каким-нибудь почитателем или, вернее, -тельницей) еще автоматическую копию, то ты можешь, не возвращая своего экземпляра, присылать свои замечания по счету страниц и строк. Должен сознаться, как это ни стыдно, что иногда я сам не понимал, что писал; это касается главным образом верхней половины стр. 4. Французский стиль не всегда достаточно гладок, что объясняется тем, что я писал доклад на Эльбе (? *Elbie*) без всяких стилистических пособий, а теперь переделать трудно. Впрочем, если Вы с Амайой кое-что найдете, валяйте. Твоего предложения Меркати относительно обмена я там же ему сообщить не мог: уж очень был завален бедняга и все равно бы забыл. Сделаю это теперь в связи с прочими делами. Получил ли ты коллективную открытку, которую съезд тебе послал с заключительного заседания? Если нет, то все же считай

⁴⁴ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 4/2, л. 28 (русский текст напечатан на польско-латинской машинке, что характерно для переписки Зелинского в этот поздний период, — окончательно испортился и так «невозможный» почерк?).

⁴⁵ *Th. Zielinski. Projet...*, p. 736.

ее состоявшейся: я сам видел, как М[еркати?] собирал подписи, и с особым удовольствием отметил, что и Fr. дал свою»⁴⁶.

К сожалению, даже в этом виде В. Н. Бенешевичу не суждено было увидеть свой материал напечатанным: 27 января 1938 г. он был расстрелян органами НКВД по надуманному поводу. Возмутитель спокойствия исчез, и все успокоилось — на много десятилетий вперед. Недаром ведь сказано: «есть человек — есть проблема; нет человека — нет проблемы». Впрочем, это уже другая история.

Публикуемый в приложении текст — подлинный, подготовленный (наверное, в спешке) Бенешевичем для V Международного конгресса византистов в Риме. При этом мы опускаем ту часть рассматриваемых материалов, которые воспроизводят его доклад на IV Международном конгрессе византистов в Софии⁴⁷. Хотя этот рукописный вариант и отличается от опубликованного в актах конгресса (самое существенное и важнейшее отличие состоит в том, что рукопись содержит систематические списки рукописей по памятникам права, опущенные совсем или сведенные к минимуму в печатном варианте, но именно они, эти списки, были опубликованы Я. Н. Щаповым)⁴⁸. Издаваемый текст⁴⁹ представляет собой известную реконструкцию, проведенную нами, так как листы в архивном деле перепутаны, существуют в основном в рукописном виде, но иной раз дублируются и машинописью (изъяты из текста, посланного Зелинскому?), материал вообще не содержит заглавия (воспроизводится по заглавию доклада Зелинского).

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Н. Бенешевич

Проект создания «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis»

Казалось, что единогласное принятие IV конгрессом мысли об издании Corp. scr. j.-gr.-r. должно поставить дело на твердый путь, и у меня была надежда успеть кое-что уже [к] V конгрессу. Но обнаружилось, что в отчетах о результатах IV конгресса даже в *Byz. Ztschr.*, *B.-Ng. Jb.*, *Byzantion*, *Echos d'Orient* о Corpus'e ни слова не сказано, а в *Byz. Ztschr.*, 1936 S. 271 сообщено, что «Die Sowietregierung taub bleib gegenüber den Anträgen des Ausschusses des intern. Byz. Kongresses, der in pflichtgemässer Ausführung eines einstimmigen Beschlusses des 4. Byz. Kongresses den nötigen Urlaub für B. erbeten hat, leider bisher ohne Erfolg». Очевидно, доклад не дошел как-то до сознания членов конгресса, и виноват в этом я сам, представивши его на русском языке, не всем доступном, притом с запозданием, без изложения тезисов, и не лично, вследствие чего членам не было возможности ознакомиться с вопросом заблаговременно, и не было дано дополнительных разъяснений о способе выполнения, ближайших задачах, сроках и т. д.

⁴⁶ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 74, л. 14.

⁴⁷ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 45, л. 14–46.

⁴⁸ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, д. 45, л. 30–46. Опубликовано: *В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая без толкований. София, 1987, т. 2, с. 265–273.*

⁴⁹ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 1, д. 45, л. 54–75.

Прошу разрешения представить вопрос еще раз на рассмотрение конгресса, не повторяя фактических данных предыдущего своего доклада, но дополнив его некоторыми соображениями. Перейдя в 7-й десяток жизни и проработав 38 лет в любимой области, мне трудно примириться с мыслью о неудаче той мысли, которая всегда подкрепляла меня в трудные времена, и в такой момент, когда эта мысль соответствует некоторому общему течению.

Византиноведение XX века пришло к ясному сознанию необходимости приступить к общению и обработке на новых началах и современными методами всего того необозримого материала, который накоплен уже трудами ученых с XVI века и который лежит еще неисследованным в громадной массе памятников письма и материальной культуры (зачеркнуто: разных народов): стоит вспомнить такие предприятия, как новое издание руководящего труда незабвенного Крумбахаера, подготовительные работы Fr. Dölger по изданию византийских грамот и документов, Corpus hist. byz. по инициативе Н. Grégoire в Брюсселе, новую обработку Orient Christianus трудами оо. ассумпционистов по инициативе L. Petit, мысль об издании словаря средневекового греческого языка взамен глоссария Дюканжа, выдвигаемую проф. Г. Хаджидакисом, или о переиздании того же глоссария Дюканжа, над чем была начата большая и далеко в свое время подвинувшаяся работа в Византийской Комиссии АН СССР; кроме того, есть основания ожидать появления <и завершения>⁵⁰ грандиозных обработок материала и по пропотографии, и по нумизматике и по сигиллографии <и по христ. эпиграфике>⁵¹. Говоря короче и точнее, нельзя себе представить ни одной области современного византиноведения, в которой не могла бы быть развернута работа в том же <зачеркнуто: соответствующем пользе дела> масштабе, как это уже <зачеркнуто: делается> происходит в ряде указанных выше вопросов. Мечты прошлого получили все данные для того, чтобы обратиться в реальности ближайшего будущего, почти на наших глазах, потому, что современному византиноведению свойственна еще одна особенность: оно ясно осознает и наличие в себе достаточных сил для выполнения стоящих перед ним трудных задач. Далеки те времена, когда двух журналов было достаточно для обслуживания специалистов, число которых колебалось около десятка и которые работали в одиночку, изредка объединяясь со своими земляками, еще реже с иностранцами. Современное византиноведение черпает свою силу в международном общении, которое сказывается не только внешним образом на многолюдных и оживленных специальных конгрессах, но и проникает всю сущность работы в этой области: все многочисленные теперь специально византиноведные журналы открыты для каждого специалиста любой национальности, и нет ни одного вопроса, который бы стоял в зависимости от специфических интересов одной нации или группы или класса; можно быть уверенным, что любой специальной вопрос найдет себе отклик, если только он представлен в достаточно разработанном виде. В то же время и умнее привлекать к делу вопросы из смежных областей знания и из истории взаимоотношений Византии с различными народами сделало дальнейшие громадные успехи. Поэтому византиноведение заняло видное место в работе и конгрессов и постоянных учреждений по истории и Западной Европы, и Востока и славянства.

Нельзя, однако, сказать, чтобы положение византиноведения в настоящее время могло везде считаться таким же прочным, как, например, изучение культур древнего Египта, Ассирии или Вавилонии. Поскольку сильные еще пережитки византийской культуры в языке, нравах и религии отдельных стран, постольку крепко держатся и политические суеверия и предрассудки в отношении Византии, претендующие на научное обоснование, а по существу напоминающие неоконченные рассказы М. Твена. Еще и теперь можно читать утверждения, что вопрос о проливах и об экспорте русского хлеба из Черного моря обусловил развитие византиноведения в царской России; или, что Дюканж работал по заказу французского правительства XVII в. в интересах усиления французского влияния в Константинополе; или, что византиноведение служило <или даже и теперь еще стремится служить>⁵² основой для политической

⁵⁰ Добавлено в соответствующей машинописной странице (л. 67).

⁵¹ Добавлено в соответствующей машинописной странице (л. 67).

⁵² Добавлено в соответствующей машинописной странице (л. 64).

и церковной реакции в России. Конечно, оканчивать эти рассказы и массу подобных им не так легко и просто, как в случаях, приводимых М. Твенем, хотя бы уже и потому, что, например, история русского византиноведения еще не существует, и только теперь смогут появиться зачатки ее в составе истории АН СССР; со временем выясняется целиком и действительная роль Византии в русской истории и характер русского византиноведения, не соответствующие представлениям ни у друзей, ни у врагов⁵³. Но самая возможность такого недомыслия, таких предрассудков и по инерции⁵⁴ похожих больше на какие-то физические упражнения⁵⁵, указывает на шаткость положения византиноведения, могущую для него проявиться в любой стране весьма губительно⁵⁶. Поэтому нельзя в византиноведческой научной работе забывать о необходимости связать ее с интересами современной общечеловечности. Здесь разумеется не какое-то подлаживание под вкусы толпы или партии, а прежде всего то, что уже делается во многих странах с большим талантом, именно, переводы византийских текстов на разные языки с надлежащим объяснительным аппаратом, или прекрасно написанные популярные очерки, или, наконец, даже беллетристическое изображение византийской жизни; стоит только расширить круг вопросов через включение истории византийской техники, медицины, математики, естествознания, чтобы сделать нагляднее и понятнее ценность познания Византии для современной жизни и науки.

Но особенную ценность представило бы издание в надлежащем виде тех памятников, которые для изучения <и даже просто понимания>⁵⁷ государственного, общественного и экономического строя Византии имеют первостепенное значение; притом же параллельно греческому тексту памятников византийского права могло бы быть предпринято и получившее в последнее время развитие чрезвычайно полезное дело перевода их на <современные западно> европейские языки <или на русский>.

При такой силе научной работы и разнообразии интересов современного византиноведения до сих пор оставлен в стороне вопрос о целой громадной группе юридических памятников, без которых невозможно изучение экономической, государственной и общественной жизни как Византии, так и ряда связанных с ее историей народов, невозможно и удовлетворительное осуществление некоторых из намеченных уже предприятий, прежде всего *Corpus d. griech. Urk.* Здесь разумеются не сборники Юстиниана и не Василики, которым принадлежит совершенно особое самостоятельное место в научной обработке⁵⁸, и не публичные и частные акты на папирусе, а те юридические сборники, которые включают в себя источники действующего права, как церковного, так и светского; среди них есть особенно много таких, которые войдут в *Corpus der griechischen Urkunden*, которые специально важны и для географии и просопографии (как *notitiae episcop.* и *nomina episc.*). Важность этих сборников, среди которых самое видное место принадлежит так называемым синтагмам, синагогам и номака-

⁵³ По-видимому, к этому месту мог относиться исключенный Бенешевичем интересный отрывок (л. 65): «...оказана самая действительная помощь развитию византиноведения в СССР, которое имеет большие заслуги в раскрытии ценности виз. культуры и должно было бы в дальнейшем своем развитии признать, что от слов и высокопарных притязаний на обладание виз. наследием до действительного обладания дистанция огромного размера и старая фантазия о Москве „третьем Риме“ имеет не больше реального содержания, чем фантазия какого-нибудь охочего книжника нашего времени о Москве „четвертом Риме“».

⁵⁴ Слово «по инерции» заменило в рукописи вычеркнутое «мыслей по заказу политики дня».

⁵⁵ В соответствующей машинописной странице (л. 64) фраза «больше ... упражнения» заменена на не менее оригинальную: «на отыгание жвачки». Бенешевич был мастер подобных афоризмов.

⁵⁶ В соответствующей машинописной странице (л. 64): вместо фразы «могущую ... губительно» стоит: «отразившуюся на нем в СССР, но возможно и в других странах».

⁵⁷ Добавлено в машинописном варианте (л. 64).

⁵⁸ Поэтому нет надобности ставить вопрос об издании *Corpus Scr. j. gr.-r.* с вопросом об издании Василик, как это предлагал на IV конгрессе *Andréades* (примеч. В. Н. Бенешевича).

нонам в 50 титулов и в 14 титулов, еще надлежащим образом даже и не осознана. Правда, с XVI в. началось уже научное использование этих сборников для издания отдельных входящих в них памятников права, и в трудах ученых XVI–XVII веков заложен основной фундамент того материала, на котором строили свои изыскания и осуществляли свои издания ученые XVIII–XX веков. Очень много важных памятников и в несравненно более удовлетворительном виде было издано в XIX–XX вв., а все-таки еще далеко не исчерпано все то богатство, которое содержится в юридических сборниках, уже известных в печати по описаниям, да и сами эти сборники еще не все известны, так как много рукописных собраний еще или не описаны или недостаточно хорошо известны. А ввиду этого невозможна еще и история тех сборников, в которые входят отдельные памятники. Какое громадное значение принадлежит месту, занимаемому источником права в сборнике, можно будет особенно удобно вскоре убедиться при помощи предпринятого Баварской Академией наук издания текста сборника в 50 титулов Иоанна Схоластика: даже каноны, которые приравнивались к св. Писанию и должны были оставаться неизменными, подвергались сильным изменениям в своем тексте и составе в зависимости от того, к какой редакции сборника они принадлежали...⁵⁹

Чтобы иметь уверенность в полноте и точности привлекаемого из сборников материала, недостаточно и невозможно ограничиться существующими описаниями рукописей, а необходимо просмотреть их систематически и планомерно с точки зрения интересов истории права, и собранные тексты отдельных памятников должны быть обработаны для издания с соблюдением общего правила, что только филологически надежные тексты являются и юридически ценными. При этом надо принять во внимание, что появились новые издания и деяний вселенских соборов, и латинских, армянских и славянских переводов греческого текста канонов и законов, а ждет издания грузинский перевод их в составе «великого номоканона»: все это также не должно оставаться мертвым грузом.

Если живо представить себе всю естественную необходимость предъявленных выше требований к изданию юридических памятников и всю степень невыполнения их даже самыми лучшими существующими изданиями памятников, то вывод ясен и он единственно правильный: все должно быть издано наново, от старого не останется камня на камне! Пусть даже текст в результате новых усилий окажется совпадающим со старым, он все же получит новую ценность. А рядом с известными уже памятниками выступят новые, из которых я привел для примера в своем докладе IV конгрессу (стр. 140) целых 14. Тут кто-нибудь мог бы, пожалуй, возразить, что ввиду трудности дела можно было бы пока ограничиться изданием только еще неизданных памятников, хотя бы указанных 14. И оно было бы настолько же уместным и убедительным, как если бы инициатору *Corpus sigillogr. byz.* предложил ограничиться описанием неизданных еще печатей, редактору *Corpus d. griech. Urk.* выбрать для издания только неизданные грамоты и т. п.; но оспаривать здесь это возражение не приходится: если бы оно представлялось сильным, то не стоило бы злоупотреблять вниманием конгресса.

Конечно, трудности при выполнении *Corpus* встретятся значительные, но их не следует ни преувеличивать, так как они выступают не все сразу, ни бояться, так как много подготовительной работы уже сделано.

Начать дело следует с выяснения всего того рукописного материала, который сохранился в библиотеках всего мира. Это не значит, что надо лично и долго побывать (sic!) в каждой библиотеке, где есть греческие рукописи, так как 1) во многих греческих фондах совсем нет рукописей юридического содержания или важных в каком-нибудь отношении для истории права, 2) в других юридические рукописи содержат или новейшие копии с более древних списков или такие обычные редакции поздних сборников, которых ценность легко испытать несколькими пробами. И в отношении богатых рукописями и описаниями в печати библиотек надо иметь в виду, что очень много важных для истории права рукописей уже исследовано очень основательно, и надо только знать те пункты, относительно которых исследования или опи-

⁵⁹ Опускаем раздел, буквально воспроизводящий пункты 4 и 5 на стр. 139 издания доклада В. Н. Бенешевича на IV Межд. конгрессе в Софии (см.: *В. Бенешевич. Corpus scriptorum juris...*).

сания должны быть дополнены. В отношении же тех рукописей, которые еще не описаны в печати, работы, конечно, много, но она сильно упрощается и сокращается в руках человека, близко знающего литературу и рукописные материалы в своей области.

Сколько времени потребовалось бы на всю эту работу, сказать трудно, так как совсем не известно, что окажется в неописанных фондах Афинской Национальной библиотеки (около 3000), на Синае (где сверх известных 2151 уже надо предполагать более 300 новых), в Ватикане, Париже, Берлине, Британском музее, на Афоне и др. Все-таки, руководствуясь опытом предыдущей работы над сложными и обширными фондами, можно думать, что при надлежащем содействии библиотечного персонала и использовании фотографического аппарата понадобилось бы не больше двух лет усидчивого и усердного труда. В обработанном виде получился бы такой указатель, из которого легко вышла бы *Geschichte der Quellen und Literatur des byzantinischen Rechts*, или нечто аналогичное труду незабвенного Aldo Albertoni «*Per la storia del diritto bizantino*».

На основе этого указателя еще до появления его в печати можно было бы уже начать работу над любым юридическим текстом, и тогда наступила бы трудность сосредоточения в руках исследователя или издателя всех нужных ему списков текста. В этом отношении громадное облегчение доставила бы возможность располагать громадными фондами, сосредоточенными в Риме, Париже, Афинах и т. п.: приходилось бы только немного фотографировать или фильмовать в дополнение к находящемуся уже под руками. Другое облегчение заключается в том, что немало текстов уже снято и отдельными лицами и учреждениями; у меня лично найдется кое-что, частью уже указанное мною в докладе на стр. 140–142 и в моих трудах о сборниках в 50 и 14 титулов.

Но где найти средства для посылки на 2 года обследователя рукописных фондов, где хранить собранные им материалы, на какие средства печатать их, добывать нужные для работы издателей фотографии, печатать самые издания текстов, кому руководить ходом работы, объединять и подкреплять сотрудников? Никому иному все это не под силу, как только Академии наук одной из стран, обладающих большими греческими фондами и соответствующим научным персоналом, или союза таких Академий; но каким путем обеспечить эту помощь *Congrus*'у я себе не представляю и опасаясь, что тут-то и скрывается подводный камень, которого *Congrus*'у никак не миновать. Передача же заботы о судьбе *Congrus*'а опять международному комитету пользы не принесет, и будет означать не что иное, как почетное погребение моего предложения ввиду его неисполнимости.